

* * *

На родной моей поляне
Хлеб заветренный жую
И с листвою сухой в кармане
Песни светлые пою.

А кому — и сам не знаю...
Миг — и вечер за плечом...
Станет луч тихонько с краю
И бормочет ни о чем...

* * *

Потревожив уснувший ковыль,
Ночь взмахнула подолом.
Занимается звездная пыль
Над серебряным долом.

О, судьба вековая! Не ты ль
Шепчешь мне о бездонном?
Занимается звездная пыль
По-над домом и Доном...

И осталось — в истоме ночной,
Не жалея гортани,
Подышать этой пылью родной
До потери сознания,

И вдруг встать — и взглянуть в полный рост
На донское течение
И кипящими сгустками звезд
Смыть свое отраженье...

ЮРОДИВЫЙ

Сколько грязи наворочено! —
Вдрызг разбита колея...
Эх, обочина, обочина,
Непутевая моя!

Где машины мчатся бешено,
Сизой копотью плюя,
Я иду, тобой утешенный,
Русь предвечная моя.

Время пыжится недужное,
Но назло слепому дню
Копьецо то харалужное
Я все бережней храню.

Пусть юродивого странника
Не воспримет кто всерьез!
Ни кнута не жду, ни пряника
И пою себе под нос:

«Ох, Тугарин! Тихой сапою
Загостил ты неспроста
У березы у покляпя, у
У Калинова моста...»

Копьецо о чашу брякнется —
Осушу в один присест.
Нечисть гнусная шарахнется,
Только стон пойдет окрест.

Ох, Тугарин, ох, разбойничек,
Копоть сизая — ни зги!
Ты не бойся пут невольничьих —
Пострашней тебя враги...

МОНОЛОГ МИКУЛЫ

Укрепи меня, мать сыра земля,
Чтобы с сошкой мне в срок управиться.
Я Микула твой. На твой поля
Налегла душа, Божья странница.

Как тебе не спеть, как не дать зарок —
Не для красных слов али норова, —
Коли самый твой малый узелок
Пуще силы всей Святогоровой!

Я иду, иду, борозду кладу,
Борозду веду, режу ровную,

Вечно на ветру, вечно на виду,
Силу-силушку чужь кровную...

Втрое крепости прибылу еще,
Исполать тебе, благодарствую!
А стомится конь, загудит плечо,
Хоть часок-другой, да побарствую.

Для братьев моих — яства все, как есть,
Зелена вина чара полная!
Коли пир — так пир, коли песнь — так песнь,
Коли брань — так брань, воля вольная...

* * *

Затопило мои берега
Половодье былого,
А вчера — все пурга, все пурга,
И ни вдоха, ни слова.

Все пурга, все глухая пурга,
Ледяное безмолвье...
Затопило мои берега,
Но весло наготове!

Не боюсь, не боюсь ничего,
Нет ни смуты, ни смерти.
Полечу по воде кочевой —
Отойдут круговерти.

Полечу — и пойму, для чего
И явились откуда
Эти песни воды кочевой,
Запоздавшие будто...

* * *

Взойди под лиственный покров —
Здесь для тебя всегда
И стул готов, и стол готов,
И скатерть — хоть куда...
Наш хлеб душист без лишних слов
И сладостна вода.

Сегодня в путь пускай ладьи —
Все пять заздравных чаш.
Все Божье, Божье, погляди, —
И труд, и отдых наш!
И не собьешься ты с пути,
Коль Бога не предашь...

Из ближних не тянул ты жил,
Не шел, посев губя,
Ты просто жил, ты просто жил,
Страдая и любя,
А если где и согрешил,
То Он простил тебя...

* * *

Зацеловало речку стадо —
И непоседам-облакам
Вдруг прикоснуться стало надо
К коровьим ласковым губам;

И хоть стихия грозовая
Их гонит, режа и слепя,
Они плывут, изображая
Молочных братьев из себя;

И вновь — то прячутся в осоке,
То путаются в облаках...
«От нас, трудяг, земные соки!
Весь мир, — трубят, — росой пропах!»

Вздыхает маленькое стадо:
«Свои, родимые, поди...», —
И, как детей, целует свято,
И холодок таит в груди...

* * *

Заросли тропинки детства,
Заросли густой травой.
Никуда теперь не деться
От полыни горевой.

Где сосны певучий росщеп?
Где прибрежные кусты?
Я уже почти на ощупь
Нахожу свои следы.

Нет нужды гадать на скосе,
Все известно наперед:
Год-другой — и время вовсе
До пылинки их сотрет.

Только память-недотрога,
Пробираясь по лучу,
Скажет: «Здесь была дорога...» —
И я плакать захочу.

Слез былое не увидит,
Не вздохнет на склоне дня,
И никто встречать не выйдет
Заплутавшего меня...

КУЗНЕЧИКИ, ПЕВЧИЕ БРАТЬЯ...

Река распахнула объятия
Среди луговой благостыни.
Кузнечики, нежные братья,
Я вас не обижу отныне!

Кузнечики, певчие братья,
Нас темное не избежало:
Как мог в ваше тело вонзать я
Крючка смертоносное жало?

За это — не знаю покоя,
За это — не ластится небо...
Мое покаянье глухое —
Аорта, дрожащая немо.

А бабьего лета дыханье
Струит светозарные нити...
Примите мое покаянье,
Примите, родные, примите!..

БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ

Белый голубь над моим окном...
В сердце бесприютная тоска...
Не залить проклятую вином,
Не заговорить ее — века!

Оглядишься, а вокруг ни зги.
Век торгашеский идет на слом.
Белый голубь, милый, помоги —
Прикоснись серебряным крылом!

Раны пусть затянутся мои
И на сердце бедное сойдет
Свет Любви, божественной Любви,
Белый Свет архангельских высот...